

Г. С. Зеленина^{ab}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

^b Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

«ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНОЙ СЫТ ПО ГОРЛО»: РЕЭМИГРАЦИЯ ИЗ ИЗРАИЛЯ И СОЗДАНИЕ ОБРАЗА «СИОНИСТСКОГО АДА»

Аннотация. В секретной аналитике израильских ведомств конца 1970-х годов сквозит тревога в связи с ростом *неширы* — эмиграции выехавших по израильской визе советских евреев в страны Запада. *Нешира* шла об руку с другим тревожным феноменом — *йеридой*, отъездом новорепатрировавшихся советских евреев из Израиля в Европу или Америку или возвращением их в Советский Союз. О последнем явлении с совсем иной интонацией твердила советская пресса; сведения о «реэмигрантах» содержатся и в советской секретной межведомственной переписке. В статье анализируются негативные впечатления новых иммигрантов от Израиля — как тиражируемые в антисионистских публикациях в советской печати, так и изложенные в эго-документах, причем вторые верифицируют содержание первых, и обсуждается то, как оценка иммиграционного опыта связана с системой ценностей этих недавних советских граждан, проводимой ими социальной стратификацией и представлениями о человеческом достоинстве.

Ключевые слова: еврейское национальное движение в СССР, эмиграция, Израиль, КГБ, эго-документы

Для цитирования: Зеленина Г. С. «Исторической родиной сыт по горло»: реэмиграция из Израиля и создание образа «сионистского ада» // Шаги/Steps. Т. 9. № 4. 2023. С. 286–314. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-286-314>.

Статья поступила в редакцию 11 января 2023 г.

Принято к печати 24 апреля 2023 г.

G. S. Zelenina^{ab}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
(Russia, Moscow)

“FED UP WITH THE HISTORICAL HOMELAND”: RE-EMIGRATING FROM ISRAEL AND CREATING THE IMAGE OF THE “ZIONIST HELL”

Abstract. Israeli secret analytical reports from the late 1970s expressed anxiety over the growth of *neshira* — “dropping out” of Jews who left the Soviet Union on Israeli visas but chose to reside in other Western countries. *Neshira* went hand in hand with another disturbing phenomenon — *yerida*, the departure of new Soviet immigrants from Israel to Europe or America, or their return to the Soviet Union. The Soviet press kept reporting about “re-emigrants” with a completely different intonation, as did KGB reports. The article examines negative impressions of Israel as transmitted, perhaps in an aggravated form, by Soviet journalists, and as presented in the ego-documents of new immigrants, future re-emigrants included. The stories of the absorption experience related in the ego-documents and therefore deemed trustworthy confirm the relative authenticity of newspaper reports and reveal that the main reason for disappointment were not financial, climatic or other difficulties, but the attitude of the Israeli bureaucracy and fellow citizens perceived as deliberate humiliation of human dignity. When relating their Israeli experience, former Soviet Jews demonstrated their commitment to familiar values, including a preference for the spiritual over the material (e. g., human dignity over prosperity), and social stratification habits, such as differentiation between educated cultural Jews from the big cities and provincial, or *shtetl*, Jews.

Keywords: Jewish national movement in the USSR, Jewish emigration, Israel, KGB, ego-documents

To cite this article: Zelenina, G. S. (2023). “Fed up with the historical homeland”: Re-emigrating from Israel and creating the image of the “Zionist hell”. *Shagi / Steps*, 9(4), 286–314. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-4-286-314>.

Received January 11, 2023

Accepted April 24, 2023

Историография советского еврейства в целом и еврейского национального движения 1970–1980-х годов в частности уделяет мало внимания антисиионистской кампании в советской печати¹, хотя эти материалы тщательно собирались². Идеологически историография движения зачастую наследует самому движению³ и видит в советской прессе врага, а в ее полемике с сионизмом и эмиграционными настроениями — насквозь лживую пропаганду, содержание которой зиждется на подтасовке фактов и клевете. К анализу советской печати исследователи обращались скорее при дефиците иных источников⁴, или так делали авторы, пишущие в другой историографической парадигме и географической перспективе⁵. Большинство историков еврейского движения если и интересовались внешними факторами, то не антиизраильской пропагандой, а позицией властей в отношении Израиля и прежде всего эмиграции и ее флуктуациями — т. е. тем, что оказывало непосредственное воздействие на отказников и предопределяло динамику движения⁶. Между тем интересно, как и кем в советской печати создавался антисиионистский нарратив, служивший почти единственным и самым доступным — в отличие от глушившихся «голосов», прежде всего «Коль Израэль», — источником информации об Израиле, призванным убедить советское еврейское большинство в том, что выезд в Израиль не в его интересах, и, очевидно, неплохо выполнявшим свою задачу.

По той же причине преимущественной солидарности со своими героями, борцами за выезд в Израиль, историография еврейского движения практически игнорирует *ноширим* («отправших», эмигрантов, выехавших по израильской

¹ Например, в одной из лучших обзорных монографий по истории российского и советского еврейства XX в. антисиионистской кампании посвящено $\frac{2}{3}$ абзаца [Гительман 2008: 250–251]. Скрупулезная история еврейского движения М. А. Морозовой [2011] сосредоточена почти исключительно на деятельности отказников и основывается на интервью с ними или на созданных ими документах; лишь одна глава посвящена внешним обстоятельствам — но только репрессиям, а не публикациям в прессе.

² Центр документации восточноевропейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме издавал серию сборников материалов из советской печати 1960–1985 гг. [Евреи и еврейский народ 1962–1988].

³ Некоторые историки движения были прежде его участниками (Юлий Кошаровский, Михаил Бейзер); некоторые зарубежные авторы в 1970–1980-е годы были активистами кампании в поддержку отказников (Soviet Jewry movement) или близки к ней. См., например, видеоинтервью Идит Роговин Френкель в цифровом архиве Йешива-университета в коллекции Soviet Jewry Movement Oral History Project (<https://digital.library.yu.edu/object/digital34788>).

⁴ См., например: [Pinkus 1988] (ивритский оригинал вышел в 1986 г.).

⁵ Прежде всего Г. В. Костырченко, который в своем двухтомнике «Тайная политика: от Брежнева до Горбачева», венчающем серию книг о «тайной» — еврейской — политике советских лидеров начиная со Сталина, посвящает пространную, почти стостраничную главу «идеологическому сопровождению» борьбы с сионизмом [Костырченко 2019: 468–563]. Конкретно антисиионистским публикациям в советской прессе посвящена магистерская диссертация норвежского исследователя [Gjerde 2011].

⁶ Например, в наиболее новом и полном коллективном исследовании еврейского движения, вышедшем в 2012 г., есть глава «За кулисами: отношение режима и общества к еврейской эмиграции» [Frankel 2012], но речь в ней идет только об отношении властей; автор основывается на сборнике документов [Морозов 1998], об обществе и выражении его отношения в письмах в газеты речь не идет. В обзорной главе М. Бейзера о еврейском движении в третьем томе новой «Истории еврейского народа в России» также есть двухстраничная глава об отношении властей к движению [Бейзер 2016: 345–347].

визе, но отдавших предпочтение Европе или Северной Америке, которые составили к концу 1970-х две трети всей еврейской эмиграции) и тем более *йордим* («спустившихся» из Земли обетованной — в противоположность иммигрантам-*олим*, «поднявшимся» в нее, особенно тех из них, кто, приехав из СССР, вернулся в него, в советской терминологии *реэмигрантов*), иногда даже сомневаясь в их реальном существовании.

Далее мы увидим, из чего состоял и как конструировался образ Израиля в советской печати 1970-х годов, верифицируем существование реэмигрантов и их участие в создании этого образа и на материале эго-документов посмотрим, совпадали ли ключевые тезисы антиизраильской пропаганды с подлинными причинами разочарования в Израиле *йордим* и других недовольных и каковы были главные из этих причин.

«Когда Рабинович едет в Израиль, советские граждане ему не завидуют»: образ Израиля в советской печати

Для многих позднесоветских евреев, даже для тех из них, кто уже решил-ся на отъезд, Израиль оставался почти «пустым» понятием, не наполненным информацией. «Мы очень мало знаем об Израиле, — жаловались в письмах отказники, — <...> именно дремучее незнание направило многих прямо в США» [Лазарис 1986: 103]. Молодой человек из Харькова, встреченный иностранными туристами — эмиссарами западных еврейских организаций в ленинградской синагоге, — признался, что не собирается пока совершать алию отчасти потому, что хотя он «не очень хорошо живет в этой стране, но и гои тоже живут так же», отчасти потому, что «мало знает о положении в Израиле, а правду трудно узнать. Ведь здесь все время говорят одну правду, а по “Голосу Израиля” — совсем другую. “И хотя я знаю, — прибавил он, — что большинство того, что говорят здесь, не является правдой, все же сложно узнать, что происходит на самом деле”» [Вайнгорт, Трау 1971]⁷. Действительно, многие старались ловить «Голос Израиля» и другие «голоса» («Голос Сиона для диаспоры», «Свободу», «Голос Америки» и пр.), читали письма уехавших; активистам и людям, входящим в отказные круги, были доступны, как они именовались в советской риторике, «книжки и фото пленки сионистского характера», получаемые по почте и через туристов-эмиссаров. Советская печать характеризовала эти каналы и получаемую по ним информацию как «радиоложь», провокацию и сфабрикованные письма «зазывал» и стремилась опровергать рекламу «сионистского рая», в том числе признаниями реэмигрантов:

Мое представление об Израиле складывалось из той информации, которую передавала радиостанция «Голос Израиля» на русском языке, различных публикаций, привозимых туристами из Израиля и западных стран. Израиль изображался как прогрессивное, современное и цивилизованное государство. Фактически он оказался полной противоположностью: отсталой, клерикальной страной [Белая книга 1979: 32].

⁷ Благодарю М. Л. Гринберга за возможность ознакомиться с этим текстом.

В то же время, согласно наблюдениям отказников, сионистские источники информации не доходили до масс или были слишком скудны, и большинство советских евреев довольствовались отечественной пропагандой, которая успешно отвращала их от идеи «репатриации»:

...в России почти нет евреев, которые хотят ехать в Израиль <...> мало кто из русских евреев готов к тяжелым условиям жизни в Израиле <...> Они безоговорочно верят всей лжи, которую газеты сообщают об Израиле и его армии. <...> Когда Рабинович едет в Израиль, советские граждане ему не завидуют <...> обыватель верит в израильский ад [Лазарис 1986: 104, 120].

Израильские аналитики придерживались того же мнения, называя одними из подлинных причин *нешеры*, «отпадения», антиизраильскую пропаганду в советских медиа и параллельно — глушение израильских радиотрансляций на Советский Союз и затруднение советским евреям общения с их родственниками и друзьями в Израиле, т. е. блокирование каналов поступления положительных сведений [Га-алия ми-Брит га-моацот 1977: 106].

Из чего состояла газетная картина «израильского ада»?

Образ Израиля конструировался — или по меньшей мере выглядел — как «антимир» (понятие, чрезвычайно актуальное в те годы⁸), как мир, перевернутый относительно СССР (его идеального образа) в советской пропаганде и относительно идеального образа Израиля (воображаемого Запада) в пропаганде сионистской. Если центральными компонентами этих образов были прогресс (понимаемый по-разному, в советском случае — как успешная ликвидация «опиума для народа»), гуманизм, социальное равенство и взаимопомощь, гражданское или национальное единство, — то Израиль в советской печати изображался полной противоположностью, своего рода адом, причем иммигранты из Советского Союза оказывались в самом нижнем его круге.

Политически Израиль не удостаивался статуса самостоятельного врага и изображался агентом большего зла, филиалом мирового сионизма, базирующегося в Америке [Иванов 1970: 111, 126–128], а последний рассматривался как «одно из орудий» или «пособник» американского империализма [Осипов, Дадани 1980: 46], необходимый для контроля над Ближним Востоком и воздействия на евреев всего мира. Выражаясь более образно, Израилю отводилось «амплуа мальчика, начинающего кулачную потасовку» [Там же: 135], и эта концепция систематически обыгрывалась в политической карикатуре.

При изображении Израиля и сионизма использовались, конечно, такие традиционные приемы, как дегуманизация и демонизация, знакомые по антисемитской и антифашистской карикатуре: персонаж-Израиль/сионизм изображался с утрированно семитскими чертами внешности (курчавые волосы, крупный рот, длинный нос) [Зенин 1971; Андреев 1982], с рогами и клыками [Кершин 1972а], в виде хищной птицы или паука [Зенин 1971; Ефимов 1975;

⁸ «Антимир — слово, рожденное хрущевской эпохой. Оно фигурирует как образец новояза даже в издании “Новые слова и значения” [1971] <...> Под антимиром понималось нечто сугубо противоположное обычному, традиционному, нормальному» [Лебина 2008: 257].

Гинуков, Горохов 1975; Черепанов 1976], волчка, оружия или машины [Андреев 1982; Чепрунов 1980; Волков 1976]. Его политическая принадлежность обозначалась значками доллара и вплетенными в изображение очертаниями свастики [Чепрунов 1980; Фомичев 1975]. Изредка можно обнаружить следы средневековых юдофобных изображений: мотив иудейской слепоты, выраженный в сокрытии глаз персонажа надвинутым на лицо головным убором⁹, и образ Judensau, трансформировавшийся в образ слона/слонихи — американской администрации, которую доят разные темные силы, включая Израиль [Агаев 1982] (см. ил. 1–2).

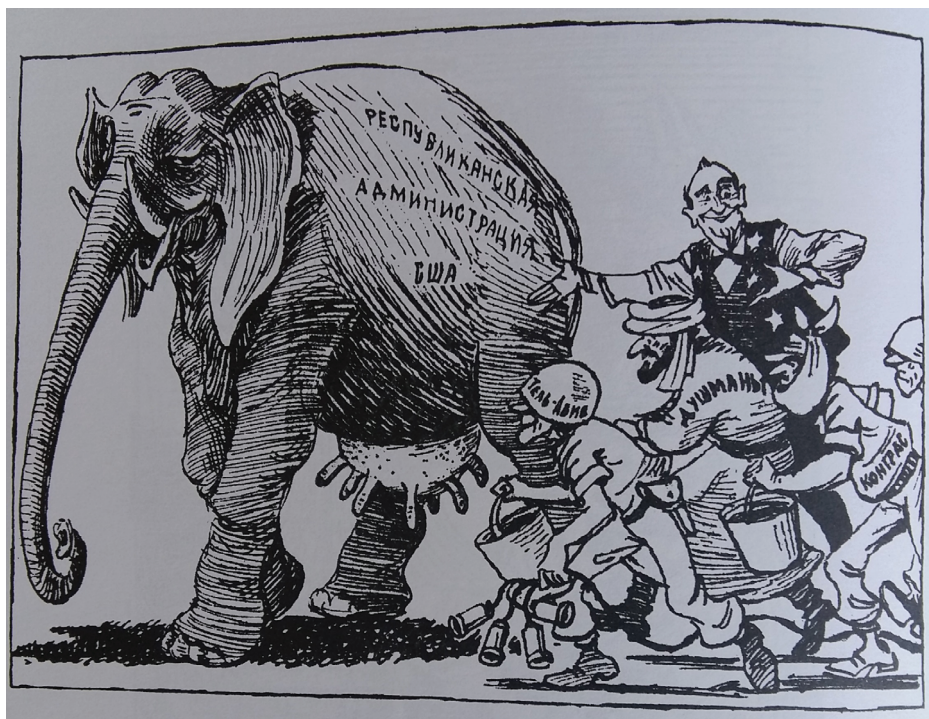

Ил. 1. Раскручивают... Рис. А. Андреева (Красная звезда. 1982. 12 июня)

Fig. 1. Spinning it faster... By A. Andreev (Krasnaia Zvezda. 1982. June 12)

Нередко Израиль предстал в образе гипермаскулинного агрессивного солдата: огромные ботинки, стекающая с пальцев кровь, зверское выражение лица, обвешанный оружием торс — буквализация советского клише «вооруженная до зубов израильская военщина». Однако эта агрессивная маскулинность была неправильной и комичной: выдающийся живот и тонкие конечности, волосяной покров на груди и на руках, но не на голове, небритость [Циновский 1973; Стерлев 1971а], — разительно отличающейся от нормативной маскулинности советских и арабских рабочих: высокий рост, фигуры и лица

⁹ Впрочем, это может быть и разновидностью более универсального сокрытия глаз отрицательных персонажей, например, за темными очками.

Ил. 2. Кормилец. Рис. Д. Агаева (Правда. 1982. 10 ноября)

Fig. 2. Benefactor. By D. Agaev (Pravda. 1982. November 10)

будто высечены из камня, мощные бицепсы, выбритые скулы [Ефимов 1973; Тернавский 1971]. Преимущественно же Израиль персонифицировался в виде гендерно-сексуального субалтерна при американском партнере-патроне: это либо женщина (чаще всего окарикатуренная Голда Меир [Фомичев 1970; 1971; Кузнецов 1970; 1971], но не только она [Черепанов 1984; Баженов 1970; 1971b; 1972a; 1972b; Латынин, Арыскин 1972; Волков 1972] — см. ил. 3–4, иногда с атрибутами Моше Даяна или Гитлера [Продолжается флирт 1971; Кершин 1972b]) при американском партнере-мужчине, либо маленький мужчина, в два раза ниже ростом, чем дядя Сэм, как правило в коротких штанишках, или мальчик, который ориентируется на большого дядю (папу) [Табачнюк 1973; Кершин 1970], в частности, пытается шагать в его ботинках [Ефимов 1971; Циновский 1971], а тот ему помогает, прежде всего оружием или деньгами, и натравливает на арабские страны [Волков 1974; Рыбалко 1986; Трунов 1971; Чуркин 1972]. При этом тема союза и помощи визуализируется как кормление, а иногда как завуалированный сексуальный акт — оральная или анальная пенетрация (захват за ягодицы, завод ключом, укол, накачивание из насоса, кормление из бутылочки с насадкой-ракетой или монетами, кормление грудью — денежным мешком [Латынин 1971; Стерлев 1971b; 1971c; Тильман 1973; Малахов 1970; Абрамов 1976; Жаринов 1976], см. ил. 5–7). В подоб-

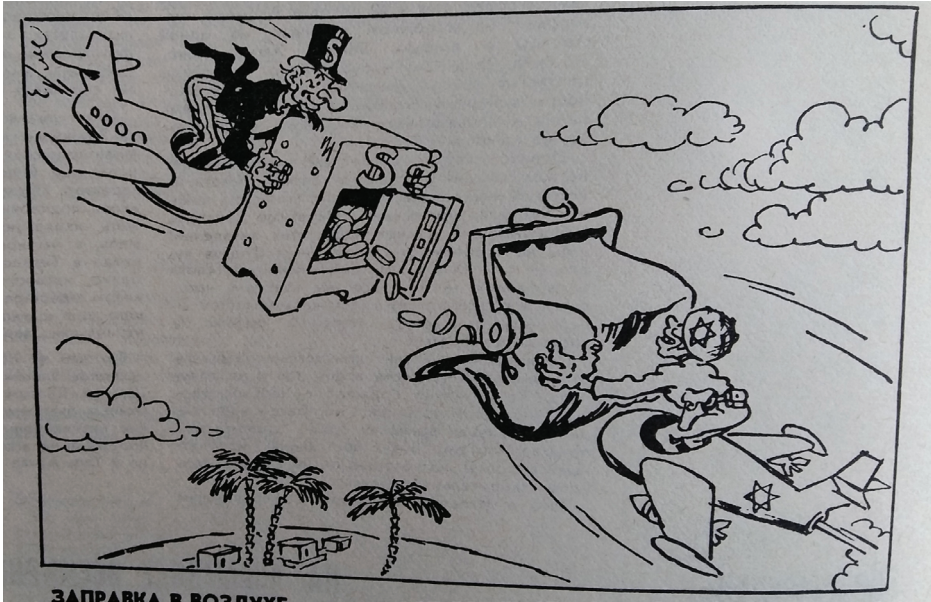

Ил. 3. У любви, как у птички, — крылья... Рис. А. Баженова (Правда. 1972. 19 марта)

Fig. 3. Love is a rebellious bird... By A. Bazhenov (Pravda. 1972. March 19)

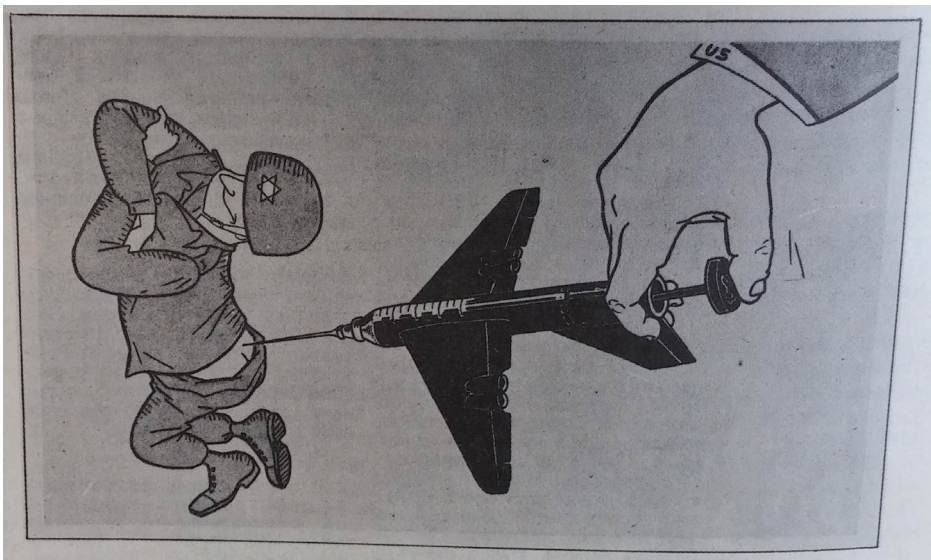
ной гендерно-сексуальной позиции — женщины или инфантилизованного за счет роста, шорт, женских аксессуаров (сумочки или женского кошелька [Волков 1971; Баженов 1971a]) мужчины при более взрослом, рослом и могущественном партнере — в советской карикатуре изображался не только Израиль¹⁰, однако уникально израильских черт (шорты, семитский фенотип) достаточно, чтобы предположить здесь не просто тиражирование стандартного образа прислужника американского империализма, а отражение каких-то представлений о специфической еврейской маскулинности. Политический смысл такой визуализации Израиля состоял в том, чтобы показать его несомненную злонамеренность, враждебность и агрессивность — и при этом бессилие: в отличие от «фашистской гадины» или «дяди Сэма» Израиль не мог быть признан равным противником, и все эти пейоративные изображения подчеркивали его несамостоятельность.

¹⁰ Так, наряду с Израилем в роли верных псов или детей дяди Сэма изображается ЮАР. Ср. также с наблюдением Эрики Фрейзер о том, что в советской политической карикатуре все капстраны, приспешницы США, квиризируются: например, Германия в лице канцлера Аденауэра в драг-костюме вступает в брак с дядей Сэмом (1950). См.: [Fraser 2019; 2019].

Ил. 4. *Заправка в воздухе.* Рис. А. Баженова (Правда. 1971. 17 мая)

Fig. 4. *Refueling in flight.* By A. Bazhenov (Pravda. 1971. May 17)

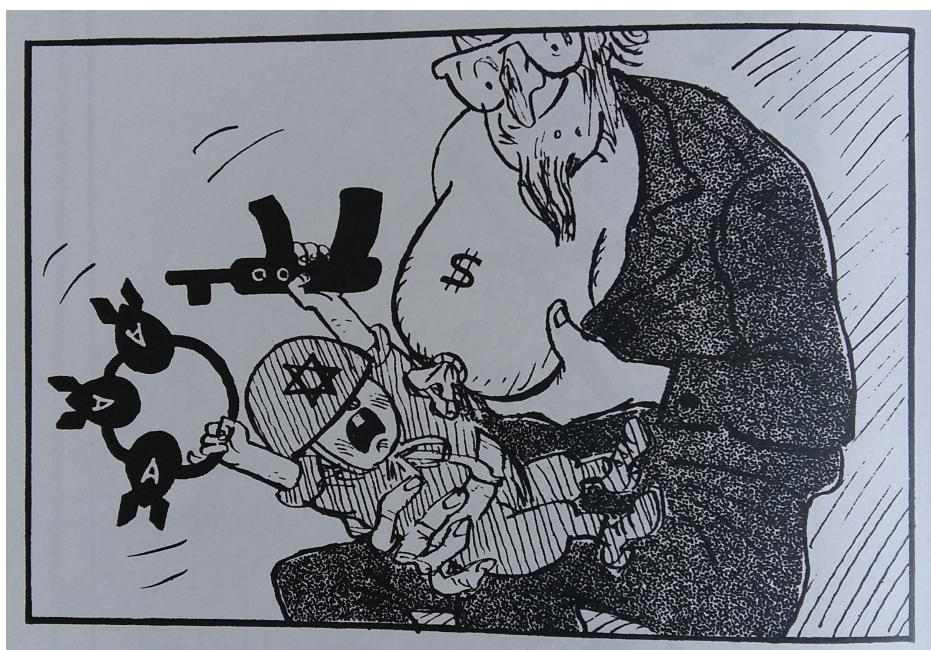
Ил. 5. *Инъекция.* Рис. В. Тильмана (Крокодил. 1973. № 4)

Fig. 5. *An injection.* By V. Tilman (Krokodil. 1973. No. 4)

Ил. 6. На новый год. Рис. В. Стерлева (Комсомольское знамя. 1971. 25 июня)

Fig. 6. For the New Year. By V. Sterlev (Komsomol'skoe znamia. 1971. June 25)

Ил. 7. Выкормыш. Рис. В. Жаринова (Крокодил. 1976. № 20)

Fig. 7. Nursling. By V. Zharinov (Krokodil. 1976. No. 20)

Впрочем, для тех, кто задумывался об эмиграции, внешнеполитический облик Израиля должен был быть не так важен, как состояние дел внутри стра-

ны, и текстовые публикации об Израиле уделяли много внимания последнему. Израиль описывался как государство капиталистическое и фашистское, т. е. дискриминирующее и угнетающее разные группы своего населения по социальному и этническому принципу. Социалистические институты, такие как гистадрут (профсоюз) или киббуцы, объявлялись псевдодемократическими фикциями, на деле — элементами капиталистической экономики и военной индустрии [Осипов, Даддани 1980: 25–27], сионизм — «наиболее реакционной формой еврейского буржуазного национализма», подразумевающей достижение крупной буржуазией своих «узко классовых целей» [Беренштейн и др. 1981: 4]. Соответствующий курс «правлящей верхушки Израиля» приводил к социальному неравенству, инфляции и росту цен, сокращению бюджета на медицину и образование, дороговизне жилья и тому, что большая часть населения оказывалась за чертой бедности [Гура 1981: 86–96].

Израильское общество изображалось как жестко иерархизированное по классовому принципу и принципу происхождения. Реэмигранты сетовали на социальное неравенство, разобщенность и враждебность. Если в Советском Союзе «человек человеку друг, товарищ и брат», то в Израиле человек человеку волк: «Каждый сам по себе, и никому до другого нет дела» [Правда 1972]. Если сионистский нарратив гласил, что взаимопомощь и национальное единство — «отличительная черта и примета евреев» [Лазарис 1986: 96], то *йордим* делали обратное заключение: «Там, в Израиле, все друг другу чужие. (...) Там нет единого народа, нет нации. Местные евреи и выходцы из других стран открыто враждуют, ненавидят друг друга» [Баннов 1972].

В советских антиссионистских публикациях Израиль по своему социально-экономическому строю представлял как капиталистическое государство, а по идеологии — как расистское и /или фашистское [Осипов, Даддани 1980: 38]. Мня себя «Великим Израилем», государством «избранного народа», сионистский режим культивировал идею «превосходства еврейской расы над другими» и «расистско-националистические концепции о “богоизбранности”, “исключительности” евреев, “особой миссии еврейства” в человеческом обществе» [Беренштейн и др. 1981: 4]. Практическим следствием этого была шовинистическая политика по отношению к арабам [Иванов 1970: 114], «зверства и насилие», не уступающие фашистским [Иванов 1970: 141; Беренштейн и др. 1984: 76–87; Гура 1981: 100–110]. Сионистский расизм не ограничивался отторжением арабов, но также делил евреев на высшую и низшую «касты»: высшей считались создатели государства — ашкеназы, низшей — представители более поздних волн иммиграции. В итоге в Израиле происходило «экономическое, социальное, политическое и религиозное угнетение» сефардов и «жесткая культурная дискриминация» восточных евреев [Иванов 1970: 115, 131–132]. От дискриминации — на этот раз в силу норм религиозного права — страдали и другие группы населения: незаконнорожденные, которых раввинат, проявляя «свойственную всем расистским идеологиям заботу о чистоте расы», поставил в «положение неприкасаемых», «запрещая им сочетаться браком с чистыми евреями» [Гура 1981: 98], и женщины — «граждане второго сорта», зачастую не имеющие начального школьного образования [Гура 1981: 99], лишённые «права на развод, на получение имущества по наследству», жертвы «варварских религиозных обычаев и традиций», попирающих

их «человеческое достоинство» [Маяцкий 1969: 101]. Предвосхищая теорию интерсекциональности как пересечения и наложения разных форм доминирования и угнетения, советская пропаганда особенно сочувствовала сефардкам и арабкам, «подпадающим под двойную дискриминацию: как представительницы притесняемых этнических групп и как женщины» [Гура 1981: 100].

Но на самой нижней ступени израильской иерархии в изображении советской печати оказывались самые новые иммигранты — евреи из социалистических стран [Беренштейн и др. 1981: 9], и сведения об их злоключениях излагались наиболее подробно, будучи, конечно, релевантными для советских читателей. Вновь приехавшие страдали от издержек абсорбции и некоторых особенностей израильской жизни, которые интерпретировались как злонамеренное издевательство и унижение. Расселение родственников по разным центрам абсорбции осуждалось как «разделение семей», цинично обесмысливающее репатриацию, которая шла под знаменем «воссоединения семей» [Солодарь 1975: 16]. Трудности изучения иврита наводили на мысль, что он искусственно сделан столь сложным — такой язык «могли придумать только антисемиты» [Шульмейстер 1984: 106]; отдельно возмущала невозможность пользоваться идишем, которым многие советские евреи, особенно старшего поколения, владели и который считали полноправным еврейским языком:

...объясняться в учреждениях на идиш, как и по-русски, строжайше запрещено. Невероятно: язык, на котором создали литературные шедевры Шолом Алейхем и Менделе Мойхер-Сфорим, на котором писали Давид Бергельсон и Лев Квитко, на котором сегодня пишут у нас и в других странах мира прогрессивные еврейские писатели, этот язык оказался для израильского государства неполноценным [Солодарь 1975: 12].

Языковые претензии были рифмой к жалобам еврейских активистов на то, что в Советском Союзе они лишены «родного языка» — иврита. Иудаизм, признающий израильскую правовую систему, школьное образование, повседневность, события годового и жизненного цикла, воспринимался советскими евреями, воспитанными в атеистическом духе, как «фанатизм» [Беренштейн и др. 1981: 4; Шульмейстер 1984: 3], «средневековое религиозное мракобесие» [Баннов 1972], унижение и насилие: «...заставляли совершать унижительные религиозные обряды» [Трудный путь 1971], «...разве я могу примириться с тем, что мой ребенок обязан из-под палки изучать талмуд!» [Солодарь 1975: 4–5].

Но «больше всего» иммигрантов «разочаровывало» «отсутствие теплоты к ним со стороны еврейских собратьев» [Как живут 1973]. Этот эвфемизм обобщает длинный ряд однотипных жалоб на унижения, которым новых иммигрантов подвергали старожилы: «Нигде нас так не оскорбляли, как в Израиле. Над нами глумились за то, что мы жили в Советском Союзе» [Белая книга 1979: 30]; «Надо мной глумились за то, что я жил в Советском Союзе, меня считали человеком десятого сорта» [Баннов 1972]; «В Израиле мы стали рабами. Нас презирали за то, что мы из СССР, что не знаем местного языка, что не молимся в синагоге» [Белая книга 1979: 35]; «Над нами смеются, называют *русиш юден*» [Белая книга 1979: 52]; «Нас все время спрашивали здесь, были

ли у нас в России квартиры, канализация и водопровод» [Белая книга 1979: 62]; «Хозяева нас водили по квартире и откручивали то один кран, то другой: это горячая вода, это холодная... У вас ведь этого в домах нет... От обиды я заплакала: они нас считают дикарями» [Вергелис 1986: 72]. Ненужность и презрение особенно болезненно воспринимались по контрасту с благополучным социальным положением, которым незадачливые эмигранты прежде обладали в Советском Союзе, — востребованностью и уважением: «В Одессе я <...> был всем нужен... А что человеку еще надо?» [Правда 1972]; «Там все нас считали людьми. А здесь мы — последние рабы» [Каплан 1972].

Столь сильные разочарования доводили *олим* из Советского Союза до заболеваний и смерти, сумасшествия, самоубийства; кульминацией рассказов о трудной и безрадостной жизни в Израиле зачастую становятся упоминания того, как тот или иной знакомый рассказчика повесился, отравился газом, бросился под машину или выбросился из окна [Белая книга 1979: 37, 60–61; Солодарь 1975: 23–24; Белая книга 1984: 32].

Если внешнюю и внутреннюю политику Израиля советские публицисты могли бичевать на основании открытых источников, в том числе публикуемых израильскими коммунистами или арабами, то истории неудачной абсорбции иммигрантов приводились со ссылками на письма недовольных *олим* своим близким в Советский Союз, на рассказы *йордим*, покинувших Израиль и встреченных, например, Ароном Вергелисом в Вене, и на рассказы реэмигрантов, вернувшихся в СССР и готовых делиться своим печальным опытом. Все рассказы сопровождалось многословными душещипательными уверениями в своем раскаянии и бесповоротном отречении от Израиля: «...дорогой ценой мы поплатились за свое недомыслие и упрямство»; «умоляет простить его необдуманный, легкомысленный поступок» [Резник 1972]; «...ныне они знают из собственного горького опыта <...> что Советский Союз <...> является их настоящей родиной» [Вена 1972]; «...теперь эти люди не могут простить себе своей ошибки»; «исторической родиной сыт по горло» [Михайлов 1973]; «...мы были одурманены <...> нам нет оправдания»; «...мы совершили тяжкую ошибку» [Правда 1972].

Аудитория советских газет, по крайней мере ее часть, не могла не задаваться вопросом, подлинны ли эти отзывы и правдивы ли впечатления, в них изложенные. Если многие читатели, возможно, большинство, «безоговорочно верили в израильский ад», меньшинство, прежде всего отказники и активисты еврейского движения, не верили ни одному слову¹¹. В частности, отказники, целью жизни видевшие репатриацию в Землю обетованную, подвергали сомнению само существование *йордим* — тех, кто по собственной воле покинул Израиль и даже вернулся в Советский Союз. Некоторые исследователи, идеологически солидарные со своими героями, разделяют это сомнение, подозревая, например, что 50 разочарованных эмигрантов, разрешить которым вернуться в СССР предлагал Ю. В. Андропов в своей записке в ЦК от 31 августа 1973 г. [Морозов 1998: 185–186] — с тем, чтобы они дискредитировали Израиль в выступлениях в медиа и личном общении со знакомыми евреями, —

¹¹ «В годы отказа мы были абсолютно уверены, что все, что пишут в советских газетах об Израиле, стопроцентная ложь. Гораздо позже, уже пожив здесь [в Израиле], я стала понимать, что это не так» (мое интервью с московской отказницей Наталией Р., 2016).

были изначально специально засланными в Израиль агентами КГБ [Frankel 2012: 173–174, n. 15].

Как свидетельствуют в переписке и отчетах сотрудники органов госбезопасности — те, кому это было доподлинно известно, — источниками очернения «сионистского рая» выступали как агенты, так и аутентичные недовольные *йордим*, желавшие вернуться или уже вернувшиеся в Советский Союз.

«Правдивые рассказы об увиденном»: реэмигранты и их роль

То, что сам феномен *йериды* — отъезда новых репатриантов из Израиля — не был выдумкой КГБ, подтверждают разные источники, к примеру, исследования израильских аналитиков [Leshem et al. 1979], посвященные преимущественно *нешире*, но затрагивающие и *йериду* (рассматривая ее как отложенную *неширу* с остановкой в Израиле) и свидетельствующие о том, что *йерида* наравне с *неширой* волновала руководство страны, а следовательно, была явлением не совсем маргинальным. Точной статистики в этих исследованиях не приводится за отсутствием таковой. Аналитики основываются на данных МВД (сведениях о количестве заявлений о намерении эмигрировать, количестве выехавших за границу и не вернувшихся в течение года), данных зарубежных еврейских организаций, заботящихся об эмигрантах из Израиля советского происхождения, статистике Министерства абсорбции и Еврейского агентства и приходят к приблизительному выводу о том, что *йерида* из Израиля в конце 1970-х годов составляла около 5–6% всей алии [Га-алия ми-Брит га-моацот 1977: 111–112]. *Йордим* возвращались в Европу, большая часть перебиралась в США, часть — в Западную Германию, кто-то стремился вернуться в Советский Союз. О том, что реэмигранты действительно существовали и это были не единичные случаи, а заметное явление, свидетельствуют фольклорные источники — анекдоты, зафиксированные в 1970–1980-е годы. Например:

Что такое дважды еврей Советского Союза? — Это еврей, уехавший в Израиль и возвратившийся оттуда назад, в СССР [Мельниченко 2014, № 5677].

Встретились в море два корабля. Один из СССР направлялся в Израиль, другой из Израиля в СССР. Пассажиры сгрудились вдоль бортов, и все крутят пальцами около висков... [Там же, № *5736А].

Впрочем, можно предположить, что анекдоты откликались не на реальность, видимую глазу, а на реальность газетную. Наличие *йериды* и реэмиграции подтверждают эго-документы советских евреев, где упоминаются знакомые, вернувшиеся из Израиля или стремящиеся к этому¹². Но наиболее точным источником являются документы тех властных структур, которые ку-

¹² Например, московский учитель истории Леонид Липкин в 1972 г. записал в своем дневнике: «В парке читал, разговаривал с евреем сторожем. Он рассказал, что его приемный сын и жена уехали в страну обетованную, а теперь ноют. Сын перебрался в ФРГ и просится обратно в СССР» [Липкин 1951–1989 (28 июля 1972 г.)].

рировали возвращение незадачливых эмигрантов в Советский Союз и заставляли их платить за оказанную милость.

Подозрения отказников, что рассказы об Израиле в советской печати сфальсифицированы, не были совсем беспочвенны. Действительно, для распространения негативных сведений о жизни новых иммигрантов среди прочего использовались и агенты КГБ. Например, в 1971 г. КГБ УССР готовил агентов «Фрида» и «Ростовского» «для вывода в Израиль» [Крикун 1972. Л. 279]. В Израиле агенты занимались «укреплением оперативных позиций» в спецслужбах или перебирались дальше на Запад и внедрялись в «зарубежные сионистские центры» или иные структуры, а также — параллельно со шпионской деятельностью — способствовали дискредитации Израиля перед советской публикой. Так, в 1975 г. глава украинского КГБ отчитывается перед ЦК КПУ в том, что «оперативные источники КГБ выведены (...) на длительное оседание в Израиль», где, в частности, добывают информацию о социально-экономических трудностях и «растущем недовольстве в среде иммигрантов из СССР (...) что подтверждается другими источниками и соответствует действительности» [Федорчук 1975а. Л. 103–104]. В начале 1980-х годов органы госбезопасности Молдавской ССР отчитывались об успешном проведении пропагандистских мероприятий с «использованием агента “Моисеева”, побывавшего в 1982 году по частным делам в Израиле» и «других негласных помощников, посетивших не так давно по частным делам Израиль» их «правдивые рассказы об увиденном, о выехавших семьях, о трудностях, с которыми они там столкнулись, воспринимались слушателями с доверием»; «учитывая предубеждение эмиграционно настроенной части еврейского населения к официальным пропагандистским мероприятиям», нужный эффект был достигнут за счет того, «что информация о положении бывших жителей республики в Израиле доводилась до их сведения очевидцами» [Волков 1984: 77; Полторац, Иммер 1986: 33].

Но гораздо чаще, чем агентов, «органы» использовали подлинных недовольных эмигрантов — для начала их письма родным и близким в СССР, которые перлюстрировались, или, как эвфемистически формулировали сотрудники КГБ, «фиксировались»: «...немалую помощь — с удовлетворением отмечали офицеры молдавского КГБ — оказывает служба ПК (перлюстрации корреспонденции. — Г. З.), фиксирующая корреспонденцию, в которой описываются трудности устройства бывших советских граждан за рубежом, инфляция, безработица, пренебрежительное отношение коренных жителей Израиля к лицам, приехавшим из СССР, и прочие “прелести” израильской действительности» [Полторац, Иммер 1986: 32]. Кроме того, разочарованные эмигранты, желавшие вернуться в СССР, в своих ходатайствах о возвращении должны были каяться и критиковать израильскую действительность, так что их «письма и обращения» «убедительно иллюстрировали лживость сионистского мифа о “земле обетованной”» и могли использоваться «в интересах контрпропаганды» [Там же: 32].

Содержание личных писем эмигрантов, ходатайствующих о возвращении в Советский Союз, прекрасно известное «органам» благодаря перлюстрации, предопределяло судьбу их авторов. Обрато на советскую родину допускали далеко не всех; парторганизации полагали «нецелесообразным выдавать разрешения на возвращение в СССР» гражданам с низким общеобразовательным уровнем и судимостями [Муха 1975а. Л. 281], а также тем, кто не представлял

пользы для контрпропаганды. Например, сапожнику, который в письмах друзьям восхвалял Израиль, в возвращении отказали [Федорчук 1973. Л. 87–88]. И наоборот, шофера-механика Давида Гершовича Ковригара из Львова, уже выехавшего из Израиля и в Австрии ожидавшего решения советских властей, писавшего своей матери во Львов «письма о тяжелых условиях жизни эмигрантов из СССР, которые использовались в антиссионистской пропаганде», КГБ УССР просил допустить в Советский Союз «с целью дальнейшего использования в мероприятиях по контрссионистской пропаганде» [Федорчук 1975с. Л. 144–145]. Ковригар был не единственным многообещающим кадром. Ильяхови Яировичу Фузайлову из Ташкента, выехавшему из Израиля в Италию, разрешили въезд в СССР по ходатайству советского посольства в Италии, так как он «направлял из Италии в редакции газет “Правда”, “Известия” и “Правда Востока” письма, разоблачающие сионистскую пропаганду о хороших условиях жизни эмигрантов из СССР»; сразу же по прибытии в СССР, на станции Чоп в Закарпатье, «от Фузайлова были получены материалы о тяжелом положении в Израиле ряда его знакомых, прибывших из Узбекистана, для опубликования их в газете “Закарпатская правда”» [Муха 1975а. Л. 343]. Врач-терапевт из Одессы Самсон Михайлович Патлис, эмигрировавший в Израиль в 1972 г., а к 1975-му оказавшийся в Канаде и ходатайствовавший о возвращении в СССР вместе с родными — отцом, матерью и сыном (притом что бывшая жена, с которой он развелся уже за границей, по национальности русская, собиралась остаться в Канаде), — критическими письмами похвастать не мог, но заявил в консульском отделе, что, если его пустят обратно, «сделает все возможное, чтобы оправдать доверие» [Федорчук 1975b. Л. 337–338]. Оправдали доверие следующие реэмигранты: киевлянин Бравштейн и черновчане Крайзер и Зельцер, выступившие на пресс-конференции в московском Доме журналиста, организованной органами госбезопасности в рамках «комплекса мероприятий по нейтрализации и компрометации» сионистской конференции в Брюсселе («этого сионистского сборища»). Они рассказали о провокациях сионистских организаций, «а также о тяжелых материальных, социально-экономических условиях жизни трудящихся в Израиле и других капиталистических странах» [Там же. Л. 283]. Весьма полезными оказались их земляки: киевлянин актер Шныпарь, черновчанин токарь Ройзман и примкнувший к ним одессит сантехник Конный. Еще находясь в эмиграции, они опубликовали в нью-йоркской газете «Русский голос» ряд статей «резко антиссионистской направленности», после чего ходатайствовали о возвращении в СССР, и КГБ просил разрешить им въезд ради «более активного использования их в контрссионистских мероприятиях» [Федорчук 1976а. Л. 42–43]. По дороге в Советский Союз Шныпарь, Ройзман и Конный участвовали в пресс-конференции в Брюсселе, устроенной Агентством печати «Новости» для иностранных журналистов; в своих выступлениях они «на конкретных фактах разоблачили антисоветскую деятельность сионистских центров, рассказали о преследованиях и провокациях, которым они подвергались со стороны сионистов в Израиле и США, призывали своих соотечественников не допускать тех ошибок, которые они совершили» [О выступлении 1976. Л. 258]. Конференция расценивалась «органами» как успех, Шныпаря, Ройзмана и Конного намечались и дальше, по возвращении в СССР, «использовать в контрпро-

пагандистских мероприятиях», например, «подготовить и осуществить с их участием телепередачу, разоблачающую подрывную деятельность сионизма», и за это «оказать им содействие в трудоустройстве и обеспечении жилплощады» [О выступлении 1976. Л. 259; Федорчук 1976b. Л. 285].

Подобные примеры можно множить. Реэмигранты не были фикцией, и их гневная критика израильской действительности не была фальсификацией. Но была ли она искренней, или же они сочиняли по заказу — «под руководством и с участием партийных органов» [Федорчук 1976b. Л. 284] — любую клевету, справедливо видя в ней вождеденный билет обратно в Советский Союз?

«Огонь возмущения толкал мое перо»: случай Евгения Кармазина

Подтвердить искренность возмущения *йордим*, по крайней мере некоторых из них, способны эго-документы.

Киевлянин Евгений Зиновьевич Кармазин (род. в 1929 г.) в своих воспоминаниях «Повесть о времени и о себе», написанных в Париже в 1996–2004 гг., подробно излагает обстоятельства своей эмиграции в июне 1973 г.: причины, подтолкнувшие его к этому решению, которое, «оглядываясь назад», он находит «безумным» («...если бы мне пришлось начать жизнь сначала, я ни за что не решился бы эмигрировать» [Кармазин 1996–2004: 134–135]), и впечатления нового репатрианта, заставившие его вскоре покинуть Израиль.

К эмиграции его побуждала «память о сталинских репрессиях, о кампании против космополитов, которая не была осуждена властью, о продолжающейся дискриминации по пятому пункту и остановка десталинизации...» [Кармазин 1996–2004: 131]. В мемуарах Кармазин утверждает, что его родители уже в 1920-е годы «с отвращением» относились к режиму и адвокатами стали, чтобы «защищать несчастных от советской власти»; отец его полагал, «что в этой невыносимой жизни при советской власти ничего хорошего нельзя добиться», а сам он еще мальчиком собирался «послать Сталину письмо печатными буквами — Сталин, что ты делаешь с народом! — но, конечно, не послал, понимая, что непременно найдут автора. Ходили слухи, что во всех школах произвели проверку всех тетрадей, чтобы найти, где вырвана страница» [Там же: 14, 21, 46]. Верифицировать подобные воспоминания невозможно, не исключено, что автор экстраполирует во времени свой антисталинизм, в действительности оформившийся лишь после дела врачей или с XX съезда. Так или иначе, обвинял ли он в этом режим и питал ли к нему отвращение с детства, но на протяжении всей жизни Кармазин страдал от антисемитизма — в школе «дети били и задирали»; не приняли в университет, несмотря на медаль; он бывал уволен с работы или не принят на нее («...обошел 35 мест и везде мне отказали — несомненно, по пятому пункту анкеты» [Там же: 30, 105]); и в целом, как еврей и как гражданин, он всегда ощущал себя жертвой обстоятельств и государства, «маленьким человеком» под дамокловым мечом, в существовании которого черная полоса сменяется белой, а белая — черной, сам же он над этим чередованием не властен¹³. Помимо далекого государства его притесняли

¹³ Ср. с описанием Ириной Паперно общих черт постсоветских мемуаров, написанных преимущественно представителями культурной элиты, которые стандартно видели себя жертвой истории, иногда «перемолотой ее жерновами» [Paperno 2009: 13].

коллеги по работе — интриганы и завистники, недобросовестные врачи, жадные начальники; даже тесть и теща, в чьей квартире он проживал, оказались в итоге «угнетателями и оскорбителями» [Кармазин 1996–2004: 112]. Будучи человеком нерелигиозным, Кармазин верил в некую высшую справедливость, которая, видимо, и заставляла черную полосу сменяться белой и обеспечивала возмездие гонителям («судьба наказала всех виновников моего страшного несчастья»: уволены, отправлены в колхоз и т. д. [Там же: 88]).

На момент эмиграции Кармазин как раз находился посреди белой полосы: работал начальником планового отдела на заводе, жил в отдельной кооперативной квартире, «драме за получение» которой он уделяет в мемуарах гораздо больше внимания, чем своим жене и ребенку (последний упоминается лишь однократного упоминания) и о потере которой сокрушается более всего («бросить замечательную квартиру, о которой я и теперь жалею» [Кармазин 1996–2004: 128–130, 134]). Была другая, возможно, более важная причина, заставившая его рискнуть и покинуть советскую родину ради неведомой, но многообещающей заграницы, — нереализованные амбиции: «...толкал меня и осознанный к тому времени талант — я хотел писать научные и журналистские статьи» [Там же: 135]. Кармазин считал себя человеком талантливым и оригинально мыслящим; с первых страниц воспоминаний он скрупулезно фиксирует свои — еще детские — «нетривиальные поступки» и «необычные высказывания»¹⁴. Экономист-плановик, он не был удовлетворен своей работой — хотел писать и публиковаться. В 1960-е годы Кармазин выступил с новаторским, по его мнению, рацпредложением: устанавливать цены на новые изделия на основе себестоимости второго года серийного выпуска; он писал в Бюро цен и в «Экономическую газету», но его идеи никого не заинтересовали, а позже реформа была проведена без упоминания Кармазина: «...украли они мое изобретение, стоившее, конечно, как минимум, кандидатской научной степени» [Там же: 120]. Ему удалось опубликовать единственную статью о ценах, причем без подписи и без гонорара, в разделе «Письма читателей» журнала для служебного пользования «Вопросы ценообразования». Обиженный, он был уверен, что академический истеблишмент («бездарные академические умы») специально блокирует появление «новых людей и новых идей» [Там же: 126]. Виня государство в невозможности реализовать свои таланты («...если бы советская власть нашла способ отнестись ко мне со вниманием, с учетом моих способностей и возможностей, я бы не уехал») и в неуважении к технической интеллигенции вообще («...огромное влияние на меня имела и отвратительная практика посылки заводской интеллигенции на работы с лопатой в руках», «с традиционным для советской власти презрением...») [Там же: 135, 132]), Кармазин понадеялся, что в «свободном мире» его оценят по достоинству.

Израиль не оправдал его надежд. Жизнь там оказалась хуже, чем в Советском Союзе, а государство почти таким же тоталитарным. Описание горестей абсорбции в мемуарах в целом и в частности совпадает с сетованиями и инвективами советской печати. Враждебные власти все делают назло новым иммигрантам, демонстрируя свое хамство и «издевательское отношение»: зна-

¹⁴ Например: «... в Киеве во время голода постыдился идти в детский сад в новых ботиночках» [Кармазин 1996–2004: 3, 5].

комых и родственников расселяют по разным концам страны, так что они не могут общаться; им подбирают чиновников, врачей, экскурсоводов, которые не говорят по-русски. «Антисемитский язык» иврит специально придуман таким сложным, чтобы народ оставался безграмотным и его было проще подавлять¹⁵; в стране вопиющее имущественное неравенство, богатым хорошо, бедным плохо, причем не то что разбогатеть — найти работу невозможно; новые иммигранты никому не нужны, непонятно, зачем их сюда звали. Религиозное семейное законодательство создает дополнительные сложности в и без того сложной действительности, и, наконец, медицинское обслуживание из рук вон плохое [Кармазин 1996–2004: 136–148]. Все эти угнетающие обстоятельства приводят к депрессиям и самоубийствам, но подобные случаи замалчиваются. Главными причинами недовольства, похоже, опять стало неуважение к группе (если в Союзе это была «заводская интеллигенция» или евреи, то в Израиле — иммигранты из СССР, которые испытывают «хамское отношение», «издевательство») и непризнание его личных достоинств: Кармазин пытался устроиться в Тель-Авивский университет на советологию, но его не взяли и пренебрежительно отнеслись к его статье.

По его наблюдениям, все вокруг «возмущались и отчаивались так же». Отчего же его не предупредили, когда он еще был в Союзе, недоумевал Кармазин. Ответы вроде «чтобы нас было больше» и «не писать же в письмах, которые читает советская власть», его не убедили, и он сам стал писать письма в СССР — из лучших побуждений, чтобы предупредить тех, кто собирался уезжать [Кармазин 1996–2004: 142–143]. Стремясь «любой ценой прорвать заговор молчания», он написал несколько десятков личных писем, заметки в газеты, жалобы в разные посольства и даже в ООН.

Скажу сразу — вся эта история — громадная ошибка, возможно, смертельная, — писал он своей корреспондентке в Киев. — Счастлив тот, кого остановили вовремя, и он не уехал. Дело в том, что правительство против нас. Все то хорошее, что нам писали о здешней жизни, — правда. Но есть еще больше плохого, о котором нам не писали. Здесь могут приспособиться только окраины — Черновцы, Прибалтика и т. д. Киевляне и даже одесситы — в ужасе. Одесситы массами удирают на Запад, но это нелегко. <...> Вся эта система выглядит как издевательство, садизм <...> Инструментом этого насилия служит иврит, которого ты не знаешь <...> Я пытался устроиться на работу научную, но пока не вышло, они боятся конкуренции. Я усиленно пытаюсь отсюда удрать <...> Рад, что мог тебя информировать... [Письмо Лене 1973].

«Ненависть к израильскому режиму» придала Кармазину силы, он завалил письмами Сохнут и ХИАС, и в итоге ему удалось «выбраться из израильской

¹⁵ Эта мысль посещала не одного Кармазина. Сионист, правозащитник, активист еврейского движения Эйтан Финкельштейн вспоминает свою беседу с Шимоном Пересом о проблемах абсорбции, из которой он вынес, что препоны советской алии чинились «сознательно и искусственно» и «что пока человек не знает иврита, пока не понимает, как функционирует общество, он тише воды, ниже травы. Пересу нужно было, чтобы тише воды, ниже травы» [Финкельштейн 2004].

западни» [Кармазин 1996–2004: 144]. ХИАС вывез его в Европу, но США и Канада отказали в визе, несмотря на его многочисленные обращения и апелляции. «В этом отчаянном и безвыходном положении» Кармазин придумал «оригинальный ход: просить у советского посольства политического убежища от преследования американскими и израильскими сионистами» [Там же: 156]. Как мы знаем, ход был не оригинальный; например, на «систематическое запугивание и травлю» со стороны сионистов и даже избиения жаловались вышеупомянутые Ройзман, Шныпарь и Конный [Цена ошибки 1975]. Но Кармазину не пришлось разыгрывать эту карту. Ему неожиданно дали статус лица без гражданства и разрешение на работу во Франции и он осел в Париже: «...после пяти лет катастрофы все вдруг стало развиваться как по мановению волшебной палочки» [Кармазин 1996–2004: 156] — вновь черная полоса сменилась белой. Он поступил счетоводом на швейную фабрику, где ввел советскую систему сверки и «с громадным энтузиазмом отыскивал ошибки в бухгалтерских счетах, чтобы добиться их полного совпадения (ажура)» [Там же: 157]. Впрочем, Кармазин и тут не перестает жаловаться: на Claims Conference, не выплатившую ему компенсацию как эвакуированному советскому еврею; на еврейскую эмигрантскую организацию в Париже, которая предоставила ему квартиру, но с недостатками — без душа и без кухни; наконец, на советскую власть, которая «отрезала нас не только от эмиграции, но и от информации об эмиграции, и мы совершенно не понимали, какие трудности нас ожидают. Несомненно, если бы я понимал, что не смогу освоить иностранный язык, я бы никуда не поехал» [Там же: 169].

Кармазин все-таки сумел стать журналистом — его статьи публиковала русскоязычная эмигрантская монархистского толка газета «Наша страна» (Буэнос-Айрес); среди прочих он написал более 30 статей с критикой израильского режима. «Свои статьи я обычно писал в полемической форме, — с удовлетворением резюмирует Кармазин в мемуарах. — Жгучее возмущение фальшью и замалчиваниями, на которых основаны советская и, к сожалению, эмигрантская пресса, — переполняло меня. (...) Огонь возмущения толкал мое перо» [Кармазин 1996–2004: 165]. Помимо Израиля возмущенное перо осуждало все происходящее в Советском Союзе: поклонник Хрущева и его экономических реформ, существенно увеличивших благосостояние его собственной семьи, Кармазин считал необходимым сохранение социализма, плановой экономики и целостности Союза, а перестройку и распад СССР клеймил как «вредительство» по заказу «заокеанских покровителей» [Там же: 176, 178]. Ругал он и диссидентов, и представителей третьей волны русской эмиграции, не принявших его в свои круги и не печатавших в своих изданиях; в частности, он ставил им на вид то, что они недооценили Хрущева и не разбирались в советской экономике.

Журналистский успех Кармазина были весьма скромным, ограниченными страницами маргинальной аргентинской эмигрантской газеты. Ему не удалось примкнуть к пишущей интеллигенции ни в Союзе, ни в Израиле, ни в Париже. Возможно, отчасти компенсировало эту неудачу признание со стороны несколько неожиданной для бывшего израильтянина, проживающего в Париже на деньги еврейских организаций, институции — Православной русской академии, ставившей своей целью «духовное сплочение Русского, в целом — Славянского, народа (...) на православной основе»; в 2012 г. академия присво-

ила Кармазину «ученое звание профессора по специальности политическая журналистика Зарубежной Руси»¹⁶.

Тексты об израильской жизни Кармазина, включающие многочисленные письма и воспоминания, а также пересекающиеся с ними газетные статьи, представляются наиболее репрезентативным эго-документальным корпусом, отражающим опыт разочарованных иммигрантов 1970-х, но есть и другие автобиографические тексты на эту тему, не предназначенные для советской печати и потому вызывающие доверие.

Искусствовед из Москвы¹⁷ Клара Наумовна Пруслина, приехавшая в Израиль в 1978 г., когда *нешира* уже значительно превосходила алию, и удрученная этими явлениями — *неширой* и *йеридой*: «...едва ли не $\frac{2}{3}$ моих знакомых буквально сидят на чемоданах, ожидая удобного случая... Очень обидно», — постаралась проанализировать свой опыт абсорбции, чтобы объяснить, почему «евреи из СССР, в особенности их наиболее интеллигентная и квалифицированная часть, стали “сворачивать” в другие страны, и не только из Вены, а зачастую уже из Израиля...» [Письмо Этингеру б. д.] В очерке «Еще раз о нешире (Впечатления новопривывшей из СССР)» [Пруслина 1978] Пруслина вспоминает досадные моменты в жизни нового репатрианта: испорченный апельсин и маленькое яблоко в столовой центра абсорбции, грязную комнатушку и грязный матрас, лампочку в 25 ватт вместо 60, вычет из пособия денег за такси, которое она была вынуждена взять, чтобы добраться ночью до центра абсорбции, и проч. — и подчеркивает, что расстраивали не сами неприятности, а то, что они были (или воспринимались) намеренным унижением: «Я понимала, что, поскандалив, я возвращу эти лиры. Но не в них было дело. Главное было в отношении...». Ее знакомые по центру абсорбции и по ульпану, москвичи и ленинградцы, покидали Израиль или по меньшей мере не советовали своим родным ехать сюда: «Конечно, надо уезжать, но не в Израиль — уж очень нас здесь не уважают» [Там же: 13]. Пытаясь понять, почему в центре абсорбции не считаются с их чувством собственного достоинства, а видят в них «наглых нищих», причем больше всего страдают столичные интеллигентные евреи, Пруслина предполагает, что директор центра, будучи сам местечковым евреем, принимает как своих других «местечковых», а к столичным испытывает зависть и антагонизм. Это наблюдение перекликается с наблюдением Кармазина о том, что в Израиле могут приспособиться только «окраины» — те же «местечковые» евреи из небольших городов, в то время как киевляне и одесситы — украинский вариант москвичей и ленинградцев — «в ужасе». Подытоживая, Пруслина представляет лейтмотивом эмиграции защиту своего достоинства, а лейтмотивом абсорбции — его поругание: «Мы добились разрешения «...» покинуть страну [СССР], защищая свое чувство собственного достоинства. Мы бросали все, зачастую тяжелым трудом добытое имущество, общественное положение, которое тоже нам не преподнесли на блюде, и были готовы встретить новые трудности на незнакомом пути... Мы были готовы ко всему, но не к унижениям и оскорблениям» [Пруслина 1978: 18].

¹⁶ Диплом хранится в фонде Кармазина в Archiv der FSO.

¹⁷ Кандидат наук, специалист по керамике, автор книги «Русская керамика (конец XIX — начало XX в.)» (М.: Наука, 1974).

* * *

Рассмотренные выше источники дают частичное подтверждение достоверности антиссионистского нарратива в советской печати: не в том радикальном смысле, что «сионистский рай» на самом деле был «капиталистическим адом», а в том, что таким его на самом деле увидели некоторые новые иммигранты. Журналисты не сочинительствовали, а тенденциозно подбирали материал из перлюстрированных писем или интервьюировали *йордим* и вполне правдиво излагали их истории, рассказанные, конечно, с учетом известных конвенций, но тоже, вероятно, вполне правдиво отражавшие подлинные впечатления — иначе бы эти люди не покидали Израиль и не возвращались в СССР. При этом — как утверждают и газетные памфлеты, и воспоминания репатриантов — главной причиной разочарования, ферментом, сквашивающим опыт абсорбции в неудачу, «ад» и «ужас», были не материальные, профессиональные, климатические или иные трудности, а отношение: отсутствие уважения и приязни, горизонтальные коммуникации, взаимодействие с государственными структурами, религиозные практики, воспринимавшиеся как хамство, издевательство, намеренное унижение человеческого достоинства. Мы можем увидеть здесь пример сохранения иммигрантами аксиологии, этики, понятий страны исхода: они по-прежнему классифицировали евреев на «местечковых» и «интеллигентных» (ключевая дихотомия в еврейском сознании образованного советского еврея из большого города¹⁸) и, относя себя ко второй категории, подчеркнуто отдавали приоритет духовным ценностям над недостойными упоминания материальными, и центральной среди духовных оказывалось «достоинство», одно из ключевых понятий в «полемике» об эмиграции («национальное достоинство», которое нужно защищать от антисемитизма и которое требует отъезда на историческую родину, vs достоинство советского гражданина, исключающее измену родине путем эмиграции)¹⁹. Тот факт, что новые иммигранты страдали от потери статуса и неуважения более, чем от каких-либо лишений или трудностей, не только отражает советскую аксиологию, но и, шире, опровергает экономический детерминизм и подтверждает разнообразные наблюдения ученых, сделанные на совершенно иных примерах: от антрополога Джеймса Скотта, показавшего, что крестьянское сопротивление обусловлено не столько бедностью, сколько потерей статуса, пренебрежением их достоинством, социальной маргинализацией [Scott 1985; 1990], до философа Фрэнсиса Фукуямы, утверждающего, гораздо более спекулятивно, что люди желают не только материальных ценностей, но и отношения других людей, уважения их человеческого достоинства, и одной из движущих сил истории полагающего жажду признания [Фукуяма 2007] — ту самую, что заставляла некоторых бывших советских граждан мучиться в Израиле и покидать его, возвращаясь к советскому status quo или осваивая новые горизонты.

¹⁸ Подробнее о ней см.: [Зеленина 2017].

¹⁹ Подробнее об этой категории см.: [Зеленина 2022].

Источники

Архивные

- Вайнгорт, Трау 1971 — *Вайнгорт А., Трау Х.* Отчет о нашей поездке в СССР, 21 июля — 10 августа 1971 г. Машинопись. Частный архив.
- Га-алия ми-Брит га-моацот 1977 — Га-алия ми-Брит га-моацот ли-Израэль бе-шаним 1968–1977 = Emigration from the Soviet Union to Israel, 1968–1977. САНJP. СЕЕJ. Files 1103, 1101. 116 p.
- Кармазин 1996–2004 — *Кармазин Е.* Повесть о времени и о себе. Париж, 1996–2004. Рукопись. Archiv FSO. F. 30.132: Ewgenii Karmazin.
- Крикун 1972 — Специальное сообщение зампре­дседателя КГБ при СМ УССР С. Крикуна от 12.9.1972. ОГА СБУ. Ф. 16 (1053). Оп. 3. Д. 2. Т. 11: Дело с подлинниками докладных записок, спецсообщений и информации (возврат из ЦК КПУ), 17.08–16.09.1972. Л. 277–281. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Дос». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/905>.
- Липкин 1951–1989 — *Липкин Л. Я.* Жизнь маленького человека: Дневник и воспоминания, 1951–1989. Архив Центра «Прожито» (Европейский университет в Санкт-Петербурге).
- Муха 1975a — Докладная записка в ЦК КПУ от зампре­дседателя КГБ УССР С. Муха от 20.8.1975. ОГА СБУ. Ф. 16 (1108). Оп. 7. Д. 2. Т. 4: Дело с подлинниками докладных записок, сообщений и информации (возврат из ЦК КПУ), 15.07–2.09.1975. Л. 280–281. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Дос». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/917>.
- Муха 1975b — Информационное в ЦК КПУ от зампре­дседателя КГБ УССР С. Муха от 26.6.1975. ОГА СБУ. Ф. 16 (1106). Оп. 7. Д. 2. Т. 7: С подлинниками докладных записок, сообщений и информации (возврат из ЦК КПУ), 15.05–30.06.1975. Л. 343–344. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Дос». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/916>.
- О выступлении 1976 — О выступлении перед иностранными журналистами лиц, выезжавших на жительство за границу. ОГА СБУ. Ф. 16 (1115). Оп. 7. Д. 2. Т. 2: Дело с подлинниками докладных записок, сообщений и информации (возврат из ЦК КПУ), 26.2–28.4.1976. Л. 258–259. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Дос». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/942>.
- Письмо Лене 1973 — Письмо Е. Кармазина Лене от 13.9.1973. Archiv FSO. F. 30.132: Ewgenii Karmazin.
- Письмо Этингеру б. д. — Письмо К. Пруслиной Шмуэлю Этингеру. [Б. д.]. САНJP. СЕЕJ. File 1264.
- Пруслина 1978 — *Пруслина К. Н.* Еще раз о нешире (Впечатления новоприбывшей из СССР). 18 с. САНJP. СЕЕJ. File 1264.
- Федорчук 1973 — Записка председателя КГБ при СМ УССР В. Федорчука председателю президиума Верховного Совета УССР Грушецкому И. С. от 16.10.1973. ОГА СБУ. Ф. 16 (1080). Оп. 3. Д. 2. Т. 2: Дело с подлинниками докладных записок, информсообщений (возврат из ЦК КПУ), 9.10–1.11.1973. Л. 87–88. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Дос». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/907>.
- Федорчук 1975a — Докладная записка в ЦК КПУ Щербицкому В. В. от председателя КГБ при СМ УССР В. Федорчука от 29.5.1975. ОГА СБУ. Ф. 16 (1106). Оп. 7. Д. 2. Т. 7: Дело с подлинниками докладных записок, сообщений и информации (возврат из ЦК КПУ), 15.05–30.06.1975. Л. 100–107. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Дос». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/916>.

- Федорчук 1975b — Докладная записка председателя КГБ при СМ УССР В. Федорчука в ЦК КПУ В. В. Щербицкому от 23.10.1975. ОГА СБУ. Ф. 16 (1109). Оп. 7. Д. 2. Т. 5: Дело с подлинниками докладных записок, сообщений и информации (возврат из ЦК КПУ), 2.09–23.10.1975. Л. 337–338. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Doc». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/918>.
- Федорчук 1975c — Докладная записка председателя КГБ при СМ УССР В. Федорчука в ЦК КПУ В. В. Щербицкому от 18.12.1975. ОГА СБУ. Ф. 16 (1112). Дело с подлинниками докладных записок, сообщений и информации (возврат из ЦК КПУ), копия без обложки, 25.11–31.12.1975. Л. 144–145. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Doc». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/941>.
- Федорчук 1976a — Докладная записка в ЦК КПУ Щербицкому В. В. от председателя КГБ при Совмине УССР В. Федорчука от 12.1.1976. ОГА СБУ. Ф. 16 (1115). Оп. 7. Д. 2. Т. 2: Дело с подлинниками докладных записок, сообщений и информации (возврат из ЦК КПУ), 26.2–28.4.1976. Л. 42–43. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Doc». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/942>.
- Федорчук 1976b — Специальное сообщение председателя КГБ при СМ УССР В. Федорчука в ЦК КПУ В. В. Щербицкому от 17.2.1976. ОГА СБУ. Ф. 16 (1115). Оп. 7. Д. 2. Т. 2: Дело с подлинниками докладных записок, сообщений и информации (возврат из ЦК КПУ), 26.2–28.4.1976. Л. 283–285. Цит. по фотокопии на сайте проекта «J-Doc». URL: <https://zikaron.nadavfund.org.il/items/show/942>.
- Leshem et al. 1979 — *Leshem E., Rosenbaum Y., Kahanov O.* The “drop-out” phenomenon among Soviet Jews: Main findings and recommendations. Jerusalem: The HUUJ: The Center for research and documentation of East European Jewry, 1979. САНJP. СЕЕJ. File 1104.

О п у б л и к о в а н н ы е

- Баннов 1972 — *Баннов Б.* Мракобесы // Советская Латвия: [Газ.; Рига]. 1972. 20 янв.
- Белая книга 1979 — Белая книга: Свидетельства. Факты. Документы. М.: Юрид. лит., 1979.
- Белая книга 1984 — Белая книга: Новые факты, свидетельства, документы. М.: Юрид. лит., 1984.
- Беренштейн и др. 1981 — Введение // Идеология и практика международного сионизма: Сб. науч. тр. / [Ред. кол.: Л. Е. Беренштейн (отв. ред.) и др.]. Киев: Наук. думка, 1981. С. 3–9.
- Беренштейн и др. 1984 — [*Беренштейн Л. Е., Гура В. К., Пода Н. Г. и др.*] Сионизм — враг мира и социального прогресса (Антинародная сущность политики сионистского израильского руководства и ее последствия): Сб. ст. / [От. ред. Л. Е. Беренштейн]. Киев: Наук. думка, 1984.
- Вена 1972 — Вена: запоздалое прозрение // Советская Литва: [Газ.; Вильнюс]. 1972. 7 янв.
- Вергелис 1986 — *Вергелис А.* Два письма из города Вены // Вергелис А. Встречи в пути: Статьи. Выступления. Путевые очерки. Интервью. Письма. Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. С. 68–79.
- Волков 1984 — *Волков Г.* Шестидесятилетие органов госбезопасности Молдавии // Сборник статей об агентурно-оперативной и следственной работе Комитета государственной безопасности. № 102. М.: [б. и.], 1984. С. 73–80.
- Гура и др. 1981 — *Гура В. К.* Обострение социально-экономического положения в Израиле — следствие политики сионистов // Идеология и практика международного сионизма: Сб. науч. тр. / [Ред. кол.: Л. Е. Беренштейн (отв. ред.) и др.]. Киев: Наук. думка, 1981. С. 86–111.
- Евреи и еврейский народ 1962–1988 — Евреи и еврейский народ: Ежеквартальный сб. из советской печати. В 111 т. Иерусалим: Еврейский ун-т в Иерусалиме; Центр документации восточноевропейского еврейства, 1962–1988.

- Иванов 1970 — *Иванов Ю.* Осторожно: сионизм! М.: Изд-во полит. лит., 1970.
- Как живут 1973 — Как живут иммигранты в Израиле // Литературная газета: [Москва]. 1973. 25 апр.
- Каплан 1972 — Из письма Исаака Каплана: Еще раз о «земле обетованной»: история одного самоубийства // Литературная газета: [Москва]. 1972. 1 марта.
- Лазарис 1986 — В отказе: Сб. / Сост. В. Лазарис. Иерусалим: Б-ка-Алия, 1986.
- Маяцкий 1969 — *Маяцкий Ф. С.* Современный иудаизм и сионизм. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969.
- Мельниченко 2014 — *Мельниченко М.* Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Михайлов 1973 — *Михайлов В.* Поверив щедрым посулам // Советская Белоруссия: [Газ.; Минск]. 1973. 22 февр.
- Морозов 1998 — Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б. Морозова. Тель-Авив: Тель-Авивский ун-т, 1998.
- Осипов, Дадиани 1980 — *Осипов Г. В., Дадиани Л. Я.* Научная несостоятельность теоретико-методологических основ социальных и социологических концепций сионизма. М.: Наука, 1980.
- Полторак, Иммер 1986 — *Полторак К., Иммер В.* С активных позиций // Сборник статей об агентурно-оперативной и следственной работе Комитета государственной безопасности. № 110. М.: [б. и.], 1986. С. 31–36.
- Правда 1972 — Правда о «земле обетованной» (репортаж спецкоров ЛГ) // Литературная газета: [Газ.; Москва]. 1972. 12 янв.
- Резник 1972 — *Резник И.* Заблуждение // Советская культура. 1972. 22 янв.
- Солодарь 1975 — *Солодарь Ц. С.* Бывшие: Из документальных записей о судьбах бывших советских граждан в Израиле. М.: Правда, 1975.
- Трудный путь 1971 — Трудный путь домой // Комсомольская правда: [Газ.; Москва]. 1971. 22 мая.
- Финкельштейн 2004 — [Интервью Юлия Кошаровского с Эйтаном Финкельштейном]. 2004 // Юлий Кошаровский. URL: <http://kosharovsky.com/интервью/эйтан-финкельштейн>.
- Цена ошибки 1975 — Цена ошибки // Правда: [Газ.; Москва]. 1975. 31 дек.
- Шульмейстер 1984 — *Шульмейстер Ю.* Совесть и бесчестье: Pamфлеты, очерки, статьи. Львов: Каменяр, 1984.

Визуальные

- Абрамов 1976 — Любимое дитя / Рис. М. Абрамова // Правда [Газ.; Москва]. 1976. 28 июля.
- Агаев 1982 — Кормилец / Рис. Д. Агаева // Правда [Газ.; Москва]. 1982. 10 нояб.
- Андреев 1982 — Раскручивают... / Рис. А. Андреева // Красная звезда [Газ.; Москва]. 1982. 12. Июня.
- Баженов 1970 — Милые бранятся — только тешатся / Рис. А. Баженова // Правда [Газ.; Москва]. 1970. 26 янв.
- Баженов 1971a — Заправка в воздухе / Рис. А. Баженова // Правда [Газ.; Москва]. 1971. 17 мая.
- Баженов 1971b — Не бойтесь, дорогая, поплывем вместе / Рис. А. Баженова // Правда [Газ.; Москва]. 1971. 3 июля.
- Баженов 1972a — Вашингтонский закройщик / Рис. А. Баженова // Правда [Газ.; Москва]. 1972. 25 февр.

- Баженов 1972b — У любви, как у пташки, крылья / Рис. А. Баженова // Правда [Газ.; Москва]. 1972. 17 марта.
- Волков 1971 — Приветствие по-израильски / Рис. В. Волкова // Правда [Газ.; Москва]. 1971. 2 сент.
- Волков 1972 — Секретная примерка / Рис. В. Волкова // Советская Россия [Газ.; Москва]. 1972. 13 янв.
- Волков 1974 — Пригрели / Рис. В. Волкова // Красная звезда [Газ.; Москва]. 1974. 11 марта.
- Волков 1976 — Военная помощь Израилю / Рис. В. Волкова // Советская Россия [Газ.; Москва]. 1976. 19 апр.
- Гинуков, Горохов 1975 — Бездонная пасть хищника / Рис. В. Гинукова, Л. Горохова // Известия [Газ.; Москва]. 1975. 23 февр.
- Ефимов 1971 — Захваченные арабские земли / Рис. Б. Ефимова // Крокодил. 1971. № 6. С. 6.
- Ефимов 1973 — Солидарность с арабскими народами / Рис. Б. Ефимова // Известия [Газ.; Москва]. 1973. 8 апр.
- Ефимов 1975 — Одной веревочкой связаны / Рис. Б. Ефимова // Известия [Газ.; Москва]. 1975. 7 янв.
- Жаринов 1976 — Выкормыш / Рис. В. Жаринова // Крокодил. 1976. № 20. С. 12.
- Зенин 1971 — Сионистский тенетник / Рис. А. Зенина // Советская Молдавия [Газ.; Кишинев]. 1971. 27 авг.
- Кершин 1970 — Ведомый и ведущий / Рис. Ю. Кершина // Известия [Газ.; Москва]. 1970. 27 марта.
- Кершин 1972a — Очертя голову... / Рис. Ю. Кершина // Гудок [Газ.; Москва]. 1972. 18 марта.
- Кершин 1972b — Шабаш антикоммунистов / Рис. Ю. Кершина // Советская торговля [Газ.; Москва]. 1972. 20 янв.
- Кузнецов 1970 — Поддержка... агрессора / Рис. М. Кузнецова // Красная звезда [Газ.; Москва]. 1970. 1 дек.
- Кузнецов 1971 — Ожерелье дяди Сэма для тети Голды / Рис. М. Кузнецова // Сельская жизнь [Газ.; Москва]. 1971. 17 авг.
- Латынин 1971 — У сионистов (видим мы на деле)... / Рис. А. Латынина // Казахстанская правда [Газ.; Алма-Ата]. 1971. 4 июня.
- Латынин, Арыскин 1972 — ФАНТОМаску агрессору / Худ. А. Латынин, В. Арыскин // Казахстанская правда [Газ.; Алма-Ата]. 1972. 18 янв.
- Малахов 1970 — «Отец»-кормилец... / Рис. В. Малахова // Учительская газета [Газ.; Москва]. 1970. 21 марта.
- Продолжается флирт 1971 — Продолжается американо-израильский флирт // Учительская газета [Газ.; Москва]. 1971. 1 мая.
- Рыбалко 1986 — Только регулярные тренировки могут принести результат! / Рис. К. Рыбалко // Социалистическая индустрия [Газ.; Москва]. 1986. 10 янв.
- Стерлев 1971a — Выколачивают... / Рис. В. Стерлева // Комсомольское знамя [Газ.; Киев]. 1971. 8 апр.
- Стерлев 1971b — На Новый год / Рис. В. Стерлева // Комсомольское знамя [Газ.; Киев]. 1971. 25 июня.
- Стерлев 1971c — Накачка / Рис. В. Стерлева // Комсомольское знамя [Газ.; Киев]. 1971. 10 июня.
- Табачнюк 1973 — Подручный / Рис. М. Табачнюка // Правда Востока [Газ.; Ташкент]. 1973. 24 янв.

- Тернавский 1971 — Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и ОАР / Рис. Вс. Тернавского // Бакинский рабочий [Газ.; Баку]. 1971. 26 июня.
- Тильман 1973 — Инъекция / Рис. В. Тильмана // Крокодил. 1973. № 4. С. 12.
- Трунов 1971 — Чтобы дитя не плакало / Рис. С. Трунова // Правда Украины [Газ.; Киев]. 1971. 27 апр.
- Фомичев 1970 — Из-под полы / Рис. В. Фомичева // Правда [Газ.; Москва]. 1970. 24 июня.
- Фомичев 1971 — С доставкой на дом... / Рис. В. Фомичева // Красная звезда [Газ.; Москва]. 1971. 17 апр.
- Фомичев 1975 — Одного корня / Рис. В. Фомичева // Известия [Газ.; Москва]. 1975. 1 янв.
- Циновский 1971 — Сапоги с хозяйской ноги / Рис. Д. Циновского // Литературная Россия [Газ.; Москва]. 1971. 2 апр.
- Циновский 1973 — Опасное сходство... / Рис. Д. Циновского // Литературная Россия [Газ.; Москва]. 1973. 29 июня.
- Чепрунов 1980 — Загребушие «руки» / Рис. Л. Чепрунова // Социалистическая индустрия [Газ.; Москва]. 1980. 5 сент.
- Черепанов 1976 — Птицы одного оперения / Рис. Ю. Черепанова // Правда [Газ.; Москва]. 1976. 14 апр.
- Черепанов 1984 — С милым и в шалаше рай / Рис. Ю. Черепанова // Правда [Газ.; Москва]. 1984. 9 марта.
- Чуркин 1972 — На словах и на справе / Рис. А. Чуркина // Звезда [Газ.; Минск]. 1972. 16 февр.

Сокращения

- ОГА СБУ — Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (Украина, Киев).
- Archiv FSO — Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen (Германия, Бремен).
- САНЖР — The Central Archives for the History of the Jewish People (Израиль, Иерусалим).

Литература

- Бейзер 2016 — *Бейзер М.* Еврейское национальное движение в СССР 1960–1980-х гг.: причины, истоки и сущность // История еврейского народа в России. От революций 1917 года до распада Советского Союза. Т. 3 / Под ред. М. Бейзера. М.: Мосты культуры, 2016. С. 321–356.
- Гительман 2008 — *Гительман Ц.* Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней / [Авториз. пер. с англ. А. Б. Каменского]. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.
- Зеленина 2017 — *Зеленина Г. С.* «Гевалт, это же простые базарные люди!»: советские евреи на пути от местечковости к интеллигентности // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения — XXII / Ред.-сост. М. С. Неклюдова, Е. П. Шумилова. М.: РГГУ, 2017. С. 322–356.
- Зеленина 2022 — *Зеленина Г. С.* Ехали не за колбасой — за достоинством»: понятие достоинства в позднесоветской полемике о еврейской эмиграции // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 13. № 6 (116). 2022. <https://doi.org/10.18254/S207987840021759-3>.
- Костырченко 2019 — *Костырченко Г. В.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. Ч. 1. М.: Междунар. отношения, 2019.

- Лебина 2008 — *Лебина Н.* Антимирь: принципы конструирования аномалий. 1950–1960-е годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 255–265.
- Морозова 2011 — *Морозова М. А.* Анатомия отказа. М.: РГГУ, 2011.
- Фукуяма 2007 — *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007.
- Frankel 2012 — *Frankel E. R.* Behind the scenes: The attitude of the regime and society toward Jewish emigration // *The Jewish movement in the Soviet Union* / Ed. by Y. Ro'i. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2012. P. 166–197.
- Fraser 2000 — *Fraser E. L.* Masculinity and the sexual politics of self and other in Soviet political cartoons, 1945–1955: MA Thesis / Univ. of British Columbia. Vancouver, 2000.
- Fraser 2019 — *Fraser E. L.* Military masculinity and postwar recovery in the Soviet Union. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2019.
- Gjerde 2011 — *Gjerde A. B.* Reinterpreting Soviet “anti-Zionism”: An analysis of “anti-Zionist” texts published in the Soviet Union, 1967–1972: Master’s Thesis / Univ. of Oslo. Oslo, 2011.
- Paperno 2009 — *Paperno I.* Stories of the Soviet experience: Diaries, memoirs, dreams. Cornell Univ. Press, 2009.
- Pinkus 1988 — *Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union: The history of a national minority. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Scott 1985 — *Scott J. C.* Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale Univ. Press, 1985.
- Scott 1990 — *Scott J. C.* Domination and the arts of resistance: Hidden transcripts. New Haven: Yale Univ. Press, 1990.

References

- Beizer, M. (2016). Evreiskoe natsional’noe dvizhenie v SSSR 1960–1980-kh gg.: prichiny, istoriki i sushchnost’ [Jewish national movement in the USSR in the 1960–1980s: Causes, origins and the essence]. In M. Beizer (Ed.). *Istoriia evreiskogo naroda v Rossii. Ot revoliutsii 1917 goda do raspada Sovetskogo Soiuz*a (Vol. 3, pp. 321–356). Mosty kul’tury. (In Russian).
- Frankel, E. R. (2012). Behind the scenes: The attitude of the regime and society toward Jewish emigration. In Y. Ro'i (Ed.). *The Jewish movement in the Soviet Union* (pp. 166–197). Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins Univ. Press.
- Fraser, E. L. (2000). *Masculinity and the sexual politics of self and other in Soviet political cartoons, 1945–1955* (MA Thesis, Univ. of British Columbia).
- Fraser, E. L. (2019). *Military masculinity and postwar recovery in the Soviet Union*. Univ. of Toronto Press.
- Fukuyama, Fr. (2007). *The end of history and the last man*. The Free Press.
- Gitelman, Z. (2001). *A century of ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the present*. Indiana Univ. Press.
- Gjerde, A. B. (2011). *Reinterpreting Soviet “anti-Zionism”: An analysis of “anti-Zionist” texts published in the Soviet Union, 1967–1972* (Master’s Thesis, Univ. of Oslo).
- Kostyrchenko, G. V. (2019). *Tainaia politika: ot Brezhneva do Gorbacheva* [Secret politics from Brezhnev to Gorbachev] (Pt. 1). Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)
- Lebina, N. (2008). Antimiry: printsipy konstruirovaniia anomalii, 1950–1960-e gody [Anti-worlds: principles of constructing anomalies in the 1950–1960s]. In E. R. Iarskaia-Smirnova

- va, & P. V. Romanov (Eds.). *Sovetskaia sotsial'naia politika: stseny i deistvuiushchie litsa, 1940–1985* (pp. 255–265). ООО “Variant”: TsSPGI. (In Russian).
- Morozova, M. A. (2011). *Anatomiia otkaza* [The anatomy of the refusal]. RGGU. (In Russian).
- Paperno, I. (2009). *Stories of the Soviet experience: Diaries, memoirs, dreams*. Cornell Univ. Press.
- Pinkus, B. (1988). *The Jews of the Soviet Union: The history of a national minority*. Cambridge Univ. Press.
- Scott, J. C. (1985). *Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance*. Yale Univ. Press.
- Scott, J. C. (1990). *Domination and the arts of resistance: Hidden transcripts*. Yale Univ. Press.
- Zelenina, G. S. (2017). “Gevalt, eto zhe prostye bazarnye liudi!”: sovetskie evrei na puti ot mestechkovosti k intelligentnosti [“Gevalt, they are simple market folks!” Soviet Jews on the way from shtetl to intelligentsia]. In M. S. Nekliudova, & E. P. Shumilova (Eds.). *Semiotika povedeniia i literaturnye strategii: Lotmanovskie chteniia — XXII* (pp. 322–356). RGGU. (In Russian).
- Zelenina, G. S. (2022). Ekhali ne za kolbasoi — za dostoinstvom’: poniatie dostoinstva v pozdnesovetskoii polemike o evreiskoi emigratsii [“They left not for sausage, but for dignity”: The concept of dignity in late Soviet polemics on Jewish emigration]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal “Istoriia”*, 13(6, no. 116). <https://history.jes.ru/s207987840021759-3-1>. <https://doi.org/10.18254/S207987840021759-3>. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Галина Светлояровна Зеленина

*кандидат исторических наук
доцент, кафедра иудаики, Институт
стран Азии и Африки, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая,
д. 11, стр. 1
Тел.: +7 (495) 629-42-84
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований, Институт
общественных наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского,
д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ galinazelenina@gmail.com*

Information about the author

Galina S. Zelenina

*Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department of Jewish
Studies, Institute of Asian and African
Studies, Lomonosov Moscow State
University
Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya Str.,
11, Bld. 1
Tel.: +7 (495) 629-42-84
Senior Researcher, Center for Cultural
Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities, Institute for Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow,
Prospekt Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ galinazelenina@gmail.com*